

Н. Ю. Стоюхина
Е. Н. Башук

DOI 10.24411/1813-145X-2019-1-0565
УДК 159.9
<https://orcid.org/0000-0001-9968-7153>
<https://orcid.org/0000-0003-1871-7862>

Первый съезд по педагогической психологии в России: жажда реформ

Для цитирования: Стоюхина Н. Ю., Башук Е. Н. Первый съезд по педагогической психологии в России: жажда реформ // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 6 (111). – С. 87-100.

Статья посвящена важнейшему событию в истории психологии – Первому Всероссийскому съезду по педагогической психологии, проходившему в Санкт-Петербурге с 31 мая по 4 июня 1906 г. Источниками для реконструкции происходившего на съезде послужили отчеты, написанные участниками, и сборник материалов. Активное участие в организации съезда приняли А. П. Нечаев при поддержке Педагогического музея военно-учебных заведений, Министерства народного просвещения и главный начальник военно-учебных заведений Великий князь Константин Константинович. За несколько дней было прослушано множество разнообразных по теме и качеству докладов, что дало возможность психолого-медико-педагогическому сообществу оценить состояние психологии и педагогики в российском обществе вообще и в школе в частности, посмотреть на себя как сообщество, осмыслить свой научный ресурс. Множество участников съезда объединяло желание скорейших изменений в обществе и в школе; о необходимом реформировании школ говорили часто и много. На одной трибуне выступали как безусловные лидеры, к чьим словам общество прислушивалось с неизменным вниманием (В. М. Бехтерев, А. П. Нечаев, Г. И. Челпанов, А. Ф. Лазурский, А. Н. Бернштейн), так и никому не известные педагоги из провинции; возможность высказаться была предоставлена всем желающим. Наиболее горячие и животрепещущие темы затрагивали теоретико-методологические проблемы психологии, преподавание психологии в школе, обучение и воспитание детей с патологиями, дальнейшая судьба психологии и педагогики в российском обществе, организация психоневрологического и педологического институтов. Этот съезд стал началом в череде важнейших научно-организационных мероприятий, прошедших в дореволюционной России и ставших отправной точкой начала институционализации психологической науки.

Ключевые слова: история психологии, педагогическая психология, педология, психологический съезд, преподаватели гимназий, воспитатели, учителя, врачи.

N. Yu. Stoyukhina, E. N. Bashuk

The First congress on pedagogical psychology in Russia: the thirst for reforms

The article is devoted to the most important event in the history of psychology – the First All-Russian congress on pedagogical psychology, held in St. Petersburg from May 31 to June 4, 1906. Sources for the reconstruction of what was happening at the congress were reports written by participants and the collection of materials. A. P. Nechaev took a great part in the congress organization with the support of the Pedagogical Museum of military schools, the Ministry of Education and the main head of military schools, Grand Duke Konstantin Konstantinovich. For several days, a lot of reports different on the topic and quality were listened to, what made it possible for the psychological, medical and pedagogical community to assess the state of psychology and pedagogy in Russian society in general and school, in particular, to look at themselves as a community, to comprehend their scientific resource. A lot of congress participants were united by the desire for speedy changes in society and at school; the necessary reform of schools was often and much talked about. On the same platform there were speeches of both absolute leaders, whose words the society listened to with constant attention (V. M. Bekhterev, A. P. Nechaev, G. I. Chelpanov, A. F. Lazursky, A. N. Bernshtein), and unknown teachers from the province; the opportunity for speaking was provided to all participants. The hottest and most burning topics during the discussion were: theoretical and methodological problems of psychology, teaching psychology at school, teaching and bringing-up the children with pathologies, the further fate of psychology and pedagogy in Russian society, organization of neuropsychiatric and pedological institutes. This congress was the beginning of a series of the most important scientific and organizational events that took place in pre-revolutionary Russia and became the starting point for the institutionalization of psychological science.

Keywords: history of psychology, pedagogical psychology, pedology, psychological congress, gymnasium teachers, educators, teachers, doctors.

...собрались мы на пороге жизни обновленной России, когда русское общество грозно заявило о невозможности мириться с прежними условиями жизни, о необходимости положить новые начала в деле воспитания и образования русского юношества. Для этой важной цели недостаточно, конечно, одного съезда, а потребуются много съездов. ...Настоящий съезд открывает собой только эру подобных же съездов, которые от представителей педагогической психологии потребуют много напряженной и тяжелой работы.

Ак. В. М. Бехтерев

В истории психологии начала XX в. стало общим местом вспоминать о том общественном подъеме, с которым российское общество встретило психологическое знание; общество буквально упало в объятия психологии, купаясь в бодрящих волнах психологического знания [15, с. 10-19]. Казалось, эта живительная влага дарила надежду на скорейшее излечение и, наконец-то, наступление счастья.

Вчерашний выпускник Санкт-Петербургского университета В. Росинский, работавший в лаборатории экспериментальной психологии А. Ф. Лазурского, будущий создатель Школы-коммуны для трудновоспитуемых подростков им. Ф. М. Достоевского (Республика ШКИД) писал об удивительном общественном явлении, когда политико-экономические вопросы в периодических изданиях вдруг отошли на второй план, люди вспомнили, что они «принадлежат к виду Homo sapiens, а не только к Bestia politicians» [18, с. 562]. Человеческая мысль устремилась «на область, независимую пока от попечения свыше – на душевную жизнь человека. Стали интересоваться душою, наследственностью <...> В связи с реформой средней школы поднялись завещанные еще гуманистами вопросы о воспитании, об изучении психики учащихся, о рациональном обучении детей – нашей будущности. Словом, психология все больше и больше подвигается к центру умственных интересов общества» [18, с. 563].

Картину движения научной психологической мысли в российском обществе хорошо отражает анализ результатов научной деятельности на примере материалов научных съездов и конференций, до сих пор предпринимаемых современными историками психологии не системно [1, с. 312-316; 2; 3, с. 40-49; 4; 8, с. 243-277; 16, с. 20-31; 17, с. 59-77; 19-22; 25], в то время как выступления с сопровождающими их прениями

являются серьезной источниковедческой базой для изучения динамики институционализации психологического знания.

Популярный к тому времени в среде учителей и воспитателей психолог А. П. Нечаев (1870-1948), работавший в Педагогическом Музее военно-учебных заведений, видел, что «школьное дело находится в связи с условиями жизни, и народ, предпринимающий реформы во всей своей жизни, должен вместе с тем реформировать школу» [10, с. 1]. Что было важно в этой новой реформе? – личность ученика, уважение к нему, возможность воспитанников свободно высказываться. Задачей школы просвещенное общество видело (а Нечаев озвучил) «такую подготовку к жизни, чтобы воспитанник, окончив учебное заведение, мог с наибольшей полнотой развернуть и приложить к деятельности все свои силы, чтобы он испытывал полноту жизни, то есть был бы счастлив» [10, с. 2]. Но вот учителя и воспитатели практически беспомощны: «неподготовленность наших педагогов к делу воспитания достигает поистине ужасающих размеров, в чем, впрочем, сознаются и сами педагоги» [10, с. 2], причина тому – психологию и педагогику в учебных заведениях для учителей либо вовсе не изучают, либо до обидного мало.

Общественность, заинтересованная в широком психолого-педагогическом просвещении, начала предпринимать организационные шаги: в 1904 г. при Педагогическом музее военно-учебных заведений учредили Педологический отдел им. К. Д. Ушинского, при котором открылись Педологические курсы для педагогов гимназий и школ. Этого явно было мало, и Совет педологических курсов в январе 1906 г. решил создать Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии, чтобы врачи, педагоги и психологи могли обменяться знаниями и мнениями по вопросам воспитания. Бюро Совета начало предварительные хлопоты, разослав во все учебные заведения проект программы съезда, где среди прочего говорилось:

«С каждым годом для русского общества все больше и больше выясняется важное значение психологии в деле воспитания. Со всех сторон раздаются жалобы на то, что школа не принимает во внимание потребностей психической природы учащихся, что педагоги недостаточно осведомлены в науке о душевной жизни. Коренные реформы школьного дела, так страстно ожидаемой всеми, несомненно, потребуют от педагогических деятелей больших знаний из области совре-

менной педологии [новой в то время науки. – прим. авторов] и организации целого ряда новых педологических исследований. Для всего этого нужны подготовленные люди. Но вопрос о подготовке русских психологов до сих пор ждет своего разрешения. Постановка преподавания психологии в университетах (при недостаточном количестве психологических лабораторий) заставляет желать улучшений. В связи с этим находится и тяжелое положение преподавателей психологии в средней школе. Понимая важность конкретного изложения своего предмета, они в то же время нередко чувствуют себя совершенно беспомощными при организации соответствующих опытов и демонстраций, иногда прямо не зная, где можно было бы получить соответствующие указания.

Школьные врачи, на которых в последнее время возлагается ответственная обязанность следить за психофизическим развитием учащихся и являться в педагогических советах экспертами по многим вопросам умственной гигиены, испытывают в настоящее время естественные затруднения, созданные отсутствием у большинства из них знакомства с психологией. Взаимный обмен мнений и созданные условия для совместной работы врачей русских учебных заведений и русских психологов представляется теперь неотложной задачей. Многократные попытки официальных учебных реформ не дали сколько-нибудь заметных результатов. < ... > Ходячие педагогические взгляды поражают своим разнообразием и взаимными противоречиями» [13, с. 4].

Из чиновников, сочувствующих идее съезда, назовем августейшего главного начальника военно-учебных заведений Великого князя Константина Константиновича (1858-1915) и Министерство Народного Просвещения, рекомендовавшее попечителям учебных округов командировать учителей и врачей учебных заведений, заинтересованных в съезде. На проведение съезда было ассигновано 500 рублей, и 500 рублей выделило Главное управление военно-учебных заведений на издание отчета.

Первое заседание Организационного комитета прошло 5 апреля 1906 г. под председательством русского военного деятеля, педагога, директора Педагогического музея Военно-учебных заведений, создателя Педагогических курсов офицеров-воспитателей, генерала от инфантерии А. Н. Макарова (1840-1917); все 70 человек комитета составляли цвет российской науки. Решено было при съезде устроить краткосрочные пе-

дологические курсы демонстрационного характера, выставку аппаратов и диаграмм по детскому возрасту, выставку книг и брошюр. Определили статус присутствующих: «членами съезда могут быть преподаватели высшей и средней школы, врачи учебных заведений, представители ученых обществ и учебно-воспитательных учреждений; лица, заявившие себя трудами в области психологии, физиологии и школьной гигиены, а также слушатели педологических курсов, занимавшиеся в лаборатории педагогической психологии» [13, с. 7], гостями же съезда могли быть все, кто интересуется педагогической психологией и школьной гигиеной. На Втором заседании Организационного комитета 28 мая обсудили порядок открытия съезда и порядок заседаний. Направления выступлений распределили так: первый день – доклады общего психологического характера, второй день – вопросы преподавания и психологии в высшей и средней школе, третий день – вопросы воспитания и обучения нормальных детей, четвертый день – вопросы воспитания и обучения ненормальных детей и школьной гигиены, пятый день – доклады специального и организационного характера.

Попробуем восстановить картину происшедшего исторического события как можно полнее, располагая не таким уж большим источниковедческим ресурсом, где, в первую очередь, отметим официальный сборник материалов съезда [22] и несколько отчетов о работе съезда:

– отчет автора, обозначившего себя инициалами В. Р., в «Начальном образовании» и также вышедший отдельным оттиском [5];

– отчет директора Александровской гимназии Н. И. Иванова в г. Ревеле [7];

– отчет преподавателя Духовной семинарии в г. Пятигорске П. П. Мегорского (1878-1930) [9];

– отчет автора, обозначившего себя инициалами О. И. Н., в «Педагогическом сборнике» (редактор – А. Н. Острогорский) [11];

– отчет без указания автора в журнале «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (редактор – В. М. Бехтерев), сокращенно повторяющий «Труды...» [13].

О численности участников съезда сохранились противоречивые сведения. В «Трудах...» записано – 436, из них преподавателей – 291, врачей – 96, лиц других профессий – 46, гостей – 78; многие были командированы на съезд. По опубликованному списку членов съезда можно насчитать 110 больших и малых городов Российской империи, приславших своих педагогов на

съезд [23]. Для размещения приезжих бесплатно предоставили помещения директор историко-филологического института В. В. Латышев, директор гимназии Я. Я. Гуревич, заведующая городским училищем Ю. А. Левицкая, чем и воспользовались 80 человек. В других отчетах говорится по-разному: «ко дню открытия съезда в число членов съезда записалось до 300 человек и в число гостей – около 50. Большая часть записавшихся состояла из преподавателей средней школы в провинции и школьных врачей» [13, с. 67]; «до 200 лиц <...>, много членов добровольцев» [7, с. 3]; «съезд открылся при 400-х представителях от внутренней и окраинной России; позднее общее количество членов и гостей съезда достигло 510 человек» [5, с. 1]; большая аудитория Соляного городка, рассчитанная на 500 человек, иногда была переполнена, но чаще в ней было до 350-400 человек [9, с. 2]. П. П. Мегорский описал их так: «...скромные провинциальные директора, инспектора, школьные врачи, учителя, учительницы и воспитательницы всевозможных учебных заведений, знакомых лишь тесному кружку захолустных обывателей, но горящие желанием узнать способы врачевания болящей школы, услышать решение мучительных вопросов, вызванных нуждой времени и направляющейся по гражданскому руслу общественной жизни» [9, с. 2].

31 мая в час дня торжественно открыли выставку при съезде, а через час состоялось открытие самого съезда, А. Н. Макаров произнес приветствие. А далее – 11 приветственных речей, ярких, запоминающихся. В дальнейшем не однажды цитировали приведенные В. М. Бехтеревым (1857-1927) слова И. С. Тургенева о трудной предстоящей работе по психолого-педагогическому просвещению: «...поднимать следует поле не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом» [12, с. 11].

Приват-доцент Казанского университета В. Н. Ивановский (1867-1939) поднял важнейший вопрос современности – о небывалом ранее кризисе средней школы: «Разлагаются старые формы быта, и среди них также и школа – особенно средняя. Школьные забастовки с применением разных видов обструкции, самоубийства учащихся, покушения их на убийство начальствующих в учебном заведении лиц и тому подобные явления показывают, до чего дошло разложение школьных порядков. И причина этому ясна: школа, давно потерявшая внутренний, моральный авторитет и державшаяся последнее время толь-

ко страхом наказаний, потеряла теперь и эту опору: страх исчез» [12, с. 12]. Ивановский считал, что если съезд внесет вклад в научное дело воспитательного дела с психологической и социальной сторон, то с этого может начаться реформирование школы.

Профессор по кафедре педагогики Санкт-Петербургской духовной академии С. А. Соллертинский (1846-1920) сначала напомнил собравшимся о том, что «психология была всегдашним основанием пастыреводства Христова, которое <...> во всех разнообразнейших задачах и условиях педагогические воздействия своего на апостолов и других, – везде строго и совершенно сообразовывалось с требованиями психологического метода» [12, с. 13], а затем выразил надежду на развитие экспериментальной психологии без ущерба для самонаблюдения и на разработку дидактики с точки зрения научной психологии.

Профессор по кафедре психологии Московской духовной академии П. П. Соколов (1863-1923) подчеркнул назревшую практическую проблему современной психологии – психологические научные знания никак не используются в школе, в деле воспитания, поэтому «русская школа до сих пор не извлекала для себя никаких полезных уроков ни из наблюдений новейших психологов над развитием детской души, ни из их многочисленных исследований памяти, воображения, внимания, ассоциаций, характеров внушаемости, умственного и физического утомления, и проч. Она совсем не затронута ...могучим педологическим движением» [12, с. 16]. Преподаватель из Санкт-Петербурга, сотрудник А. П. Нечаева в Педагогическом Музее военно-учебных заведений и большой популяризатор педологии Н. Е. Румянцев (?-1919), обратил внимание на плодотворность педологического движения во всем мире, особенно большое влияние его на педагогов, но только не в России. Остальные выступающие (академик А. С. Лаппо-Данилевский, представитель главного тюремного управления Д. А. Дриль, председатель Лиги народного образования Г. А. Фальборк, преподаватель из Санкт-Петербурга Я. И. Душечкин, представитель «Российского общества нормальной и патологической психологии» А. Ф. Лазурский, представитель Совета Общества телесного воспитания «Богатырь» С. К. Архангельский) в приветственном слове в основном выражали радость и удовлетворение от собравшегося съезда и уве-

ренность в скорых изменениях в деле школьного образования. В конце этого дня приват-доцент Санкт-Петербургского университета И. И. Лапшин сказал речь в память о недавно умершем немецком философе Эдуарда фон Гартмана.

Что касается самих докладов в течение съездовских дней, то по программе они были разделены на три основные группы: 1) психология как предмет преподавания в высшей и средней школе; 2) психология в ее отношении к школьной гигиене; 3) психологические основы воспитания и обучения [11, с. 96]. Впрочем, другой участник увидел группы докладов так: 1) доклады научно-теоретического характера; 2) доклады научно-практического характера; 3) доклады случайные [5, с. 1]. Мегорский отметил, что, несмотря на данные 30 минут на выступление и 5 минут на возражения, это время не соблюдалось: некоторые «с большим умением совершенно без пользы испытывали терпение и утомляли напряженное внимание слушателей. < ... > некоторые из докладов не стояли на желательной высоте < ... > Необработанные, мало продуманные, они сдержанную публику выгоняли из аудитории к чайным столам, а “беспокойный элемент”, уважающий самих себя и ценящий время, заставляли кричать “довольно, будет, достаточно”» [9, с. 3]. И строгий «летописец» съезда – директор гимназии Иванов – подтвердил: «Некоторые доклады попали совсем случайно и не имели никакого отношения к ближайшим задачам съезда. Вообще, съезд, видимо, не был достаточно заранее подготовлен и организован» [7, с. 4].

В этот же день 31 мая в половине восьмого вечера состоялось первое заседание, которое вели профессор Киевского университета Г. И. Челпанов (1862-1936), П. П. Соколов и приват-доцент Московского университета Д. В. Викторов (1874-1918).

Первым выступил А. Ф. Лазурский (1874-1917) с докладом на тему «О составлении характеристик», где главное внимание уделялось методам и приемам «возможно более полных и фактически обоснованных характеристик» [13, с. 67]; это и систематическое, по заранее определенной программе, наблюдение в дневниковой форме, и сплошная запись в течение дня, и упрощенная форма эксперимента и т. п. Возражения докладчику касались трудностей использования указанных приемов для практических целей в школе и большой осторожности в применении, «принимая во внимание совокупность

условий, в которых находится наблюдаемый воспитанник» [11, с. 100]. Сам же А. Ф. Лазурский сравнил педагога с врачом-клиницистом: «...как последний у постели больного, пользуясь наличными признаками и течением болезни, изображает историю болезни, чтобы тем легче и вернее поставить диагноз и установить прогноз болезни, так и педагог, наблюдая внешние проявления психической жизни воспитанника и пользуясь всеми другими о ней сведениями, должен точно устанавливать отличительные индивидуальные свойства личности воспитанника» [7, с. 13].

Доклад В. Н. Ивановского «Несколько слов об отношении нашей средней школы к общественности» продолжал тему, начатую им в приветственном слове съезду, – о кризисе средней школы. Речь шла о необходимости найти внутреннюю силу и авторитет школы, который может дать только коренная реформа: не правительственная, а народная школа, доступная всему народу, но под контролем народа, не служащая орудием правительственной политики. Эмоциональный отклик на этот доклад выразил в своем отчете директор гимназии Н. И. Иванов; ему категорически не понравился ни сам выступавший, ни содержание выступления: «...доклад этот интересен лишь как выражение господствующего у нас в настоящее время настроения по отношению к средним школам. ...докладчик сам лично не стоял близко у дела школьного воспитания и образования и является лишь сторонним наблюдателем. ...готовую шаблонную теорию в духе современного “освободительного движения” приложил» [7, с. 16] к школьным вопросам. А вот другие участники видели проблемы школы в плохой подготовке преподавателей, отсутствии у них психолого-педагогической подготовки, «несогласованности школьных программ и всего строя школы с психическим строем учащихся» [7, с. 18].

Следующий день начался с доклада А. А. Крогиуса (1871-1933), доктора и преподавателя Санкт-Петербургского университета, курсов воспитательниц и руководительниц физического образования, на тему «Отношение психологии к другим научным дисциплинам», важность которого для теории и методологии психологии отмечает исследователь творчества Крогиуса К. Маслов [8, с. 243]. Действительно, докладчик сгруппировал все знания о реальном мире, соотнеся с науками о мире физическом и мире духовном, отметив кардинальное разделение между ними, подробно описал место психо-

логии среди других наук и определил ее этическое значение как основной науки о духе. Основная дискуссия в прениях касалась места экспериментальной психологии: Челпанов, в целом согласившись с положениями доклада, «подчеркнул необходимость более глубокого теоретического рассмотрения психологических вопросов, отодвигая на второй план значение экспериментального исследования. Ему возражали А. П. Нечаев, В. Е. Игнатьев и А. Н. Бернштейн, отстаивая значение эксперимента в психологии. < ... > В. Н. Ивановский заметил, что противоположение метафизической психологии экспериментальной неправильно. Следует противопоставлять психологию феноменистическую интроспективной, тогда как материалистическая психология является в такой же мере метафизической, как и спиритуалистическая» [11, с. 102].

О преподавании педагогики в русских университетах, где нет педагогических кафедр, о необходимости постановки педагогики на научную основу говорил В. Н. Ивановский, но ввиду позднего времени прения перенесли на последний день. И то ли потом не нашлось времени, то ли действительно, как писал Н. И. Иванов, «теоретические построения доклада... не встретили никакого сочувствия со стороны слушателей» [7, с. 26], обсуждение не было ярким. Молодому провинциальному преподавателю П. П. Мегорскому не понравилось, что, призывая к научным основам педагогики, докладчик пренебрег методиками, указателями, планами учебных занятий, а «без них сколько бесполезно тратится времени, как страдает дело, терпит ученик. У учителя же прежде времени парализуется энергия, исчезает здоровье, сила и молодая мощь, способная кажется горы двигать» [9, с. 2].

Одновременно с заседанием первой секции с предыдущими докладами проходило заседание второй секции с председательствующими – профессором Харьковского университета П. Э. Лейкфельдом (1859-1930), московским педагогом Ц. П. Балталоном (1855-1913) и секретарем – директором Курской учительской семинарии Ф. Г. Кашменским.

Инспектор народных училищ из Риги М. И. Успенский высказался на тему «Значение войны в душевной жизни детей» на примере недавней русско-японской войны. По его мнению, «ужасы войны малопонятны детям: она привлекает их примерами храбрости, ловкости, удали. Бывают, правда, случаи, когда война вызывает у детей нежелательные чувства, но в большинстве

она является возбудителем высоких чувств: патриотизма, уважения к храбрости, сострадания и т. п.» [13, с. 72]. Цель доклада была – обратить внимание на большое педагогическое значение общественных и мировых событий на примере войны, более никаких задач не ставилось, поэтому и прения были неинтересные, лишь школьный преподаватель М. И. Пришвицын просил позаботиться о детях, «находящихся под ближайшим влиянием отрицательных сторон милитаризма: детей – воспитанников солдатских школ» [23, с. 57] и их дядек – бывших строевиков-офицеров без элементарных педагогических знаний.

Доктор Л. Г. Оршанский (1866-?) рассказал о низком качестве иллюстрированной детской книги в России и предложил на следующем съезде поставить ряд вопросов: откуда взять лучший материал для детского чтения, как распределить этот материал по возрастам, обсудить вопрос об иллюстрированных изданиях для детей.

Последним на секции было выступление Ц. П. Балталона «Эстетическое чувство», где докладывались результаты большого экспериментального исследования, позволяющие объяснить развитие эстетического чувства общими биологическими законами борьбы и приспособления к условиям жизни; «эстетический принцип сродства отношений, как основной закон красоты, позволяет осветить область изящных искусств и установить их классификации с этой точки зрения» [13, с. 72].

Третье заседание, состоявшееся 1 июня в половине восьмого вечера, было очень важным, судя по интересу к теме, проявившемуся в обширных прениях. Речь шла о преподавании психологии в школе, да и докладчики были известные [19, 20].

В выступлении заведующего Санкт-Петербургского училища глухонемых П. Д. Енько (1883-1931) говорилось о трудностях терминологического языка, еще не разработанного современной психологией. Затем Г. И. Челпанов доложил «О постановке преподавания психологии в средней школе», что было действительно важно, так как с 1905 г. Министерство народного просвещения ввело уроки психологии в гимназии; это привело к постановке целого ряда трудных вопросов, и Г. И. Челпанов пытался дать свою оценку состояния преподавания психологии. Выступление вызвало оживленные возражения и обмен мнений о наиболее целесообразной постановке пре-

подавания психологии. Нечаев «отстаивал самостоятельное значение психологии и указывал на необходимость держаться в курсе эмпирической психологии, вводя эксперименты, иллюстрирующие научные положения, сообщаемые ученикам» [11, с. 106], психология может преподаваться только как учебный предмет, а «введение метафизических вопросов может породить склонность к диалектике» [11, с. 107]. Эти возражения Нечаева встретили крайнее недоумение со стороны Челпанова [7, с. 13]. «С большой горячностью, но малой убедительностью А. П. Нечаев доказывал необходимость преподавания экспериментальной психологии <...>; напрасно проф. Ивановский патетически восклицал, что рациональная психология должна быть изгнана из гимназии, почти бесполезно говорил Ф. Ф. Ольденбург, что содержание психологии известно всем, и необходимо лишь подогнать его под терминологию хотя при помощи литературных примеров, тщетно многие другие ораторы указывали точность экспериментального исследования – авторитетное слово проф. Челпанова установило исходную точку преподавания» [9, с. 9]. По поводу третьего доклада – «О демонстрациях при преподавании элементарного курса психологии» преподавателя М. И. Конорова (1878-1968) – Н. И. Иванов отметил отрицательное отношение участников: докладчик демонстрировал очень простые приборы, и «своей элементарностью они производили несколько комическое впечатление, а некоторые и прямо курьезное» [7, с. 8].

Четвертое заседание, проходившее с утра 2 июня (председательствующие – приват-доцент Московского университета А. Н. Бернштейн (1870-1922), приват-доцент Казанского университета В. Н. Ивановский, секретарь – В. В. Успенский), состояло из докладов на разные темы; вероятно, как писал В. Р., «материал, предложенный вниманию участников съезда, не был в достаточной мере систематизирован и первоначальная задача съезда очень часто значительно расширялась» [5, с. 5]. Так, педагог и математик С. И. Шохор-Троцкий (1853-1923) доложил «О природе полового созревания и его требованиях с точки зрения психологии», указав на важность подросткового периода в жизни детей и на необходимость особенного внимания к ним со стороны взрослых. Отметим интересные замечания педагогов и психологов о пубертатном возрасте: «...совместное обучение мальчиков и девочек возможно до 4-го класса включительно.

Затем оно неудобно в силу разных целей обучения мальчиков и девочек» [23, с. 99]; «в период полового созревания необходимо побольше движений, а вместе с тем в этот период должны быть изгнаны: театры, газеты и т. п., все то, что взвинчивает нервную систему» [23, с. 100]; «уменьшить число занятий, чтобы избежать переутомления организма» [23, с. 100]; «совместное обучение допустимо до времени полового развития, но во время его оно должно пойти только в ущерб телесному, нравственному и умственному развитию» [23, с. 101]; полезно «введение физического образования <...> – противовес умственному обучению» [23, с. 103], хотя, «спорт, конечно, вреден для школы» [23], только физическое образование. Было предложение сократить учебную программу, но директор варшавской гимназии А. П. Косминский возмущенно заметил, что не может согласиться с тем, что «русский человек не может много учиться. Немцы учатся 220-240 дней в году, тогда как мы 150-160. Мы и так отстали» [23, с. 102].

Затем был заслушан реферат Я. И. Ковальского «О наглядных пособиях в деле обучения» и три доклада-реферата, прочитанные А. П. Нечаевым (ввиду отсутствия докладчиков): «Ученическое сочинение как классный эксперимент» (автор – С. Ю. Блуменау), «О целесообразных методах заучивания в отношении их к природной силе памяти» (автор – Б. Е. Соколов), «Влияние детских садов на богатство и переработку представлений у детей» (автор – О. А. Максимович). Все авторы – сотрудники психологической лаборатории при Педагогических курсах военно-учебного ведомства – проводили там свои исследования. Прения оказались весьма скромными, только приват-доцент Московского университета В. Е. Игнатъев (1859-1927) спросил Нечаева, есть ли какие-то практические выводы для обучения, и краткий ответ был таким: бедность образов в сочинениях можно устранить, занимаясь подготовкой внимания учащихся перед сочинением хотя бы в течение пяти минут.

В вечернем заседании большое внимание привлек доклад А. Н. Бернштейна и Т. Ф. Богданова «Коэффициент восприимчивости у детей школьного возраста», посвященный экспериментальному исследованию одного из механизмов памяти – запоминанию – по методу Бернштейна. А. Ф. Лазурский указал на большое значение исследований подобного рода, так как важно изучать память с разных сторон.

А. П. Нечаев оценил метод Бернштейна как более простой и изящный, чем его собственный.

Доклад делопроизводителя училища при Совете Священного Синода Х. В. Корчинского «Обучение – образование» был посвящен построению букваря по собственной программе докладчика. Ни в «Трудах...» съезда, ни в отчетах не осталось никаких мнений по поводу выступления.

А вот доклад педагога и психолога П. Ф. Каптерева (1849-1922) из Санкт-Петербургского женского педагогического института (бывшие Женские педагогические курсы Мариинского ведомства) «Аналогия развития человека и человечества», где он говорил о вещах, сейчас понятных и привычных – что «общий ход психического развития личности аналогичен развитию человечества: от господства простого воспроизведения к творчеству, от материального и конкретного к духовному и отвлеченному, от грубо эгоистического к относительно альтруистическому, от непосредственной, рефлексивной реакции к разумной воле» [23, с. 136], вызвал бурное обсуждение. Ему «возражали очень многие, доказывая устарелость Герbartовских теорий и неприложимость подобных аналогий к психологии и педагогике» [11, с. 111]. Н. И. Иванов дал подробную оценку: «...доклад отличается некоторой искусственностью построения и малою обоснованностью выводов. Доклад вызвал немало возражений. Прежде всего было забраковано самое основание аналогий г. Каптерева – теория развитого человечества как ее развил Герbart и его последователи. Отправной точкой для построения теории истории человеческой культуры для Герbartа служило стремление обосновать на твердых психологических данных теорию обучения и воспитания. Но история педагогики достаточно опровергла уже основательность Герbartовской системы. ...он [докладчик. – прим. авторов] произвольно отмечает у детей лишь некоторые особенности их душевного склада и не менее произвольно представляет их постепенное развитие. Вообще теоретичность доклада г. Каптерева не встретила никакого сочувствия со стороны слушателей» [7, с. 26].

Заведующий торговой школой при Реформаторской церкви в Петергофе А. Э. Гершельман, по мнению того же Иванова, не справился с задачей: назвав свое выступление «Психологические основания школьной дисциплины», не раскрыл темы в содержании: «...доклад состоял из набора общих мест и указания некоторых частных, но не

обследованных с психологической стороны, слушаев. < ...> ...докладчик не выяснил ни понятия дисциплины, ни психологической основы ее, на что и было ему указано» [Там же, с. 24].

3 июня утреннее заседание (председательствующие – приват-доценты Московского университета В. Е. Игнатъев и Д. В. Викторов, секретарь Т. Ф. Богданов) началось с большой речи Н. Е. Введенского «Памяти Ивана Михайловича Сеченова», скончавшегося меньше года назад (3 ноября 1905 г.), после чего съезд перешел к обсуждению практических и болезненных проблем школы. Преподаватель училища глухонемых из Санкт-Петербурга П. С. Янковский (директор – П. Д. Енько) в докладе «Обучение глухонемых устной речи по естественному способу» рассказал, что лучшие результаты получаются при обучении, которое «приближается к естественному, материнскому способу обучения, к обучению посредством подражания» [23, с. 150]. Были показаны приемы обучения глухонемых, для чего были приглашены дети, они отвечали на вопросы докладчика, разговаривали между собой, читали с лица и т. д., чем произвели огромное впечатление на слушателей.

Следующие два доклада трактовали с разных сторон однородные явления – малоуспешность учеников, обусловленную их вырождением, или дегенеративностью. Врач коммерческого училища в Екатеринославле Н. И. Щербинин (1861-?) индивидуально обследовал 111 учащихся «для принятия соответствующих мероприятий в отношении лиц, имеющих те или иные дефекты в духовной организации» [23, с. 157] («Вырождение среди учащихся»), и врач-педиатр из больницы Св. Пантелеймона Е. П. Радин (1872-1939) доложил о частном случае патологии в выступлении «Особенности дегенеративно-прогенеративной личности в период формирования, воспитание и будущее».

Щербинин нашел, что 2/3 детей отягощены нервной и психопатологической наследственностью, эти признаки видны в необыкновенной рассеянности и неумении сосредоточиться, в дефектах чувственных восприятий, в расстройстве воображения и памяти, в дефектах нравственного чувства, в слабости воли и т. п. Надо сказать, что большинство слушающих были поражены информацией, но были и несогласные, например, председатель Лиги народного образования Г. А. Фальборк (1864-1942) назвал высказанное по поводу вырождения большим преувеличением [23, с. 173], а преподаватель коммерческого учи-

лица из Екатеринославля Н. Л. Бродский считал, что вся проблема дегенератов кроется в их происхождении – они принадлежат, в основном, буржуазии, но «всякий раз, как в школу поступает сын народа, вышедший из низов, вы чувствуете, что имеете дело с другим материалом. Бодростью, свежестью, нравственным и физическим здоровьем так и веет от него!» [23]. По его мнению, только «радикальная ломка социального строя, полное переустройство нашего общественного быта на новых началах спасет страну от ужасного явления – вырождения» [23]. Большинство выступавших в прениях «соглашались с тем, что вырождение является серьезной угрозой, с которой необходимо серьезно считаться. Надежда на оздоровление средней школы путем прилива элемента из народа имеет мало оснований в виду того, что пьянство, голодовки и сифилис в продолжение многих лет совершают работу разрушения народного здоровья. Необходимо оздоровление всех классов населения, что возможно лишь при более нормальных социальных условиях. Школа и семья со своей стороны должны немедленно же пойти навстречу, сделать все от них зависящее для борьбы с вырождением, насколько это возможно и при существующих условиях» [13, с. 79].

Е. П. Радин разобрал единичный случай – юноша, подмастерье сапожника, с большим дефектом нравственного чувства, тип врожденного преступника. Впрочем, это выступление не было таким уж безнадежным, в итоге докладчик сказал, что «психопатологическое обесценение личности, обязанное наследственности, не дает еще само по себе основания считать такую личность негодным и безнадежным членом общества. <...> педагог должен быть психотерапевтом, должен бережно относиться к их индивидуальным особенностям. Необходимо дать выход лучшим чувствам и задаткам дегенератов» [7, с. 22]. С ним соглашалась преподавательница санкт-петербургской гимназии Н. А. Ильина, объяснявшая причину малоуспешности учеников вовсе не вырождением, а многолюдством классов (до 60 человек в классе), утомлением, обилием ученых предметов, часть которых недоступна пониманию, нищенской обстановкой преподавания, когда нет возможности проводить опыты, демонстрации, вводить наглядность.

Вечернее заседание включало как психолого-педагогический, так и экспериментально-психологические доклады. С. И. Шохор-Троцкий в докладе «Преподавание

математики с точки зрения требований психологии» говорил о большом внимании учителей математики к чисто психологическим явлениям: «к чувственным восприятиям, к соответствующим ощущениям, к возникающим на этой почве представлениям, к надлежащей выработке понятий и идей, к возбуждению известных желаний и стремлений, к привитию и возбуждению известных настроений и эмоций, к выработке известных волевых импульсов, к удовлетворению возбужденного интереса, к испытанию удовольствия по поводу удовлетворения этого интереса и к целесообразным и сознательным поступкам» [7, с. 29].

А. А. Крогиус (доклад «Экспериментальные исследования душевной жизни слепых») при помощи экспериментальных исследований и наблюдений установил следующие особенности психики слепых: менее отчетливое представление о форме предметов, большая точность слуховых восприятий, быстрое заучивание, глубокая переработка восприятия. Согласно его наблюдениям, «сосредоточенность слепых на своих душевных переживаниях делает их людьми созерцательного и эмоционального типа, а не активного. Весьма часто среди слепых можно встретить людей оригинальных, глубоко и сильно чувствующих и хороших психологов» [13, с. 80]. П. П. Мегорского «тронуло до болезненности» «чтение слепой девочки. Грустно-задумчивая, с неподвижными глазами, устремленными в одну точку, она, сосредоточенно хмурия брови, быстро водила пальцами по выпуклому тексту книги и произносила какое-то стихотворение <...> Много труда, внимания, терпения, наблюдательности и бодрости духа требуется при занятиях с физически ненормальными детьми: едва заметными шагами, буквально ощупью достигаются микроскопические результаты, в сравнении с которыми успехи плохого из учеников нормальных школ являются колоссальными. Вместе с тем невольно напрашивается параллель – достаточно ли заботливым и внимательным уходом в школе окружены они, нормальные дети, если их успехи доставляют огорчение и родителям» [9, с. 11].

Следующее экспериментальное исследование на тему «К вопросу о наследственности “зрительных схем”» провел и доложил о нем профессор психологии Московской духовной академии П. П. Соколова. «Зрительными схемами» или «диаграммами» он называл пространственные фигуры, при помощи которых человек представляет себе какую-либо серию координированных

идей и отношений, например, отношения числа и времени: естественный порядок чисел, цикл года, дни недели, века, исторические периоды [23, с. 180]. Слушатели были не согласны, возражали, «указывая на недостаточную убедительность приведенных фактов. Возможны в данном случае и другие объяснения существования зрительных схем у трех членов семьи: подражанием, характером занятий (рисованием) и т. д. Кроме того, можно видеть здесь наследственным не зрительным схем, а особый склад мышления, который обуславливает развитие в дальнейшем представления времени в зрительных образах» [13, с. 81].

Петербургский детский доктор-гигиенист А. С. Вирениус (1832-1910) в докладе «О постановке психологических исследований над учащимися в классе с точки зрения школьной гигиены и телесного воспитания» представил методику проведения коллективных исследований, что было важно и в прениях вызвало много вопросов.

4 июня – последний день работы съезда – начался с доклада Е. П. Радина «Нервно-психическая гигиена учащегося в отношении к физическому здоровью и учебно-воспитательной задаче средней школы», продолжающего доклады предыдущего дня. Он обратил внимание на большой процент среди учащихся детей с признаками дегенерации. Как бороться с этим явлением? – только создавать благоприятные условия воспитания, которые парализовали бы дальнейшее развитие болезненности и ослабляли бы уже имеющуюся, что можно сделать, объединив усилия врачей и педагогов, знакомых с условиями развития психофизической природы человека. Также нужно пересмотреть программы школ с позиции нервно-психической гигиены, ввести индивидуализацию преподавания и воспитания, игры на чистом воздухе, прогулки, горячие общие завтраки и др. «Индивидуализация преподавания требует ослабления существующей нивелировки, чего можно достигнуть установлением известного минимума требований от каждого предмета и созданием ученических обществ, в которых каждый учащийся найдет для себя интересное и соответствующее его запросам» [13, с. 82].

Л. Н. Никонов рассказал об ученических обществах в восьмиклассном Коммерческом училище в Лесном, где развиваются индивидуальные наклонности детей, пробуждается в них любовь к труду и знанию и наполняет пользой их досуг. В. Н. Ивановский заметил, что в основу

этих нововведений положены принципы английской школы с ее клубами учащихся.

Доклад директора Екатерининского института в Санкт-Петербурге Н. С. Карцова «О совещательных для родителей кабинетах» был давно назревшим и все еще никак не решаемым – родителям некуда обратиться за консультацией по вопросам воспитания. «Даваемые родителям советы могут быть или узко-справочного характера, или основанные на личном доверии родителей к представителю Кружка. Кружок несет нравственную ответственность только тогда, когда в выборе своем остановится на недостаточно вдумчивом человеке» [23, с. 218], в особо трудных случаях собирается особое совещательное бюро из специалистов по разным отраслям педагогики, врачей и юриста. Это предложение вызвало неоднозначные отклики: «одни указывали на тяжелое положение родителей, малознакомых с научными основами воспитания и с трудом, особенно в провинциях, находящих авторитетное разъяснение их недоумений; кабинеты могли бы в этом отношении быть очень полезны; другие же выражали опасение, как бы подобные кабинеты не ограничили свою роль подачей советов, не основанных на серьезных исследованиях, и рекомендовали ограничиться пропагандой здравых педагогических идей путем распространения популярной литературы, устройством библиотек, курсов и т. д.» [13, с. 84].

Доклад присяжного поверенного А. Н. Кремлева (1859-1919) «О необходимости введения преподавания психологии и психиатрии в систему высшего юридического образования» вызвал одобрение В. М. Бехтерева: «...для того, чтобы понять преступление, надо понимать личность, а для этого надо быть знакомым с психологией и психиатрией. Когда судебный следователь незнаком с психологией и психиатрией, то он и делу дает неправильное направление» [23, с. 227].

Последнее, девятое заседание съезда началось в 8 вечера 4 июня, и президиум заседания (А. Н. Макаров, А. П. Нечаев, М. И. Коноров), и темы докладов указывали на окончание большого мероприятия. Первым выступил студент Московского университета Т. Д. Фаддеев с докладом на тему «О педагогическом факультете». Оповестив присутствующих о деятельности педагогического кружка при Московском университете и подробно рассказав о проекте педагогических факультетов как научно-экспериментально-учебных учреждений, он с

горячей торжественностью призывал «признать неотложной необходимостью создание таких учреждений и энергично приняться за их осуществление путем пропаганды, организации специального кружка и основания денежного фонда» [23, с. 238].

Важным был доклад академика В. М. Бехтерева «Об учреждении психологического союза для организации периодических съездов и об устройстве особого психоневрологического или психологического института». Выделив основные отрасли знания, изучающие психику человека (педагогика, криминальная психология, гипноз, психопатология, социальная (общественная) психология, индивидуальная психология, психология народов), он предложил съезду «создать научный союз из всех тех лиц, которые заинтересованы в развитии психологических знаний <...>. Такой ... психологический союз существенно необходим для того, чтобы все сложные психологические вопросы научно-практического характера <...> могли быть разрабатываемы сообща соединенными усилиями психологов, педагогов, психопатологов, юристов и естественников» [23, с. 240]. Но среди этих наук, по его мнению, «психология является тем важнейшим научным центром, своего рода *punctum saliens*, для наиболее важнейших в практическом отношении отраслей знания, которые все имеют свою прямою целью правильное развитие, совершенствование и врачевание человеческой личности» [23, с. 243]. Еще в 1904 г. Бехтерев внес в Общество нормальной и патологической психологии проект устройства высшего научного учреждения – Психоневрологический институт, «целью которого была бы научная разработка всех важнейших отделов психологии неврологии» [23, с. 245], но война и революция 1905 г. замедлили этот процесс, тем не менее делать это нужно.

А. П. Нечаев говорил о необходимости создания еще одного особого учреждения, где могли бы объединиться педагоги, психологи и врачи («О педологическом институте»).

Прения по этим докладам были самые обильные и разнообразные: одни утверждали, что нет никакой разницы между психоневрологическим и педологическим институтами; другие – что нужен союз только психологов или союз распространения педагогических знаний; третьи подерживали одного из выступавших.

Обширная резолюция, принятая в итоге съездом, включала множество пунктов, предложен-

ных участниками, ведь почти каждый выступавший с докладом настаивал на важности «его» темы и предлагал продолжить ее обсуждение на следующем съезде. Самое главное – было решено продолжать собирать съезды, выстраивая научную коммуникацию, объединяя усилия психологов, педагогов, врачей, юристов, создавая такую психологию, на данных которой «общество недалекого будущего будет строить рациональное воспитание новых поколений, нормировать отношения своих членов и вырабатывать соответственно душевным особенностям национальности наиболее здоровую, жизненную политическую форму своей жизни» [5, с. 7].

Профессиональное сообщество узнало о себе и неприятные факты. Например, участники плохо чувствовали время, вольно относясь к началу заседаний: «в начале публика аккуратно собиралась к определенному времени, и неустойка целиком падала на докладчиков. Под конец роли переменились. <...> участники съезда убедились, что у референтов не хватит желания и гражданского мужества выступить пред малолюдной аудиторией, те, в свою очередь, не обнаруживали большой поспешности и собирались позднее назначенного минут через 30-45» [9, с. 4]. Или же педагогическая выставка (отделы школьной гигиены, экспериментальной психологии и психофизиологии, специальной литературы, школьный отдел) вызвала много невеселых мыслей у делегатов съезда: «...хуже всего было сознание, что данные науки не скоро еще сделаются общечеловеческим достоянием. <...> Целая пропасть лежит между тем, что есть, и что должно быть» [9, с. 19], например, финские школьные программы и – «дикий анахронизм инструкций для школьных врачей и санитарные нормы учебников, и чернила, химически освобожденные от ядовитых веществ, и белые классные доски, не портящие зрение, и образцовые японские и американские парты, и таблицы для наглядного преподавания гигиены» [9, с. 19]. Все это заставляло участников удивляться: «в каком же веке мы живем, не выходец ли я из скифских степей и нельзя ли признать нашего богатыря школьника <...> собратом почтенного почтенного плеозавра и великого пещерного медведя» [9, с. 20].

В целом съезд удался. Произошло объединение тех, кто «по разным уголкам обширной России работал в области педагогической психологии. В умах таких работников, часто разобщенных громадным пространством, заброшенных в

самые отдаленные захолустья, – первый Всероссийский съезд по педагогической психологии оставил по себе неизгладимое впечатление» [5, с. 7].

С тех пор прошло более века. Множество проведенных важных мероприятий никак не приглушают чувство удивления от того, самого первого, съезда; его основные итоги по-прежнему впечатляют:

– это был действительно ПЕРВЫЙ съезд, с которого в значительной степени начала строиться психология, что позже признали современники: «...теперь мы уже располагаем многими такими лабораториями, зародившимися и в провинциальных городах. А с созданием психологических лабораторий и институтов при университетах кадры русских психологов-экспериментаторов заметно расширяются, что должно способствовать и развитию экспериментальной педагогики. Эти десять лет не прошли даром, как и та борьба мнений, которая ярко отразилась на съездах по психологии и педагогике» [6, с. 62];

– дальнейшее развитие психологии и педагогики в России, их практическая применимость и приложимость – вот что волновало и тревожило участников съезда;

– стала очевидной необходимость дальнейшей самоорганизации профессионального психологического и педагогического сообщества через создание учебных и научных институтов, факультетов, кафедр, фондов;

– впервые осуществилась (и сразу – удачно) попытка рассмотрения различных граней жизни ребенка (методы изучения, трудности в обучении, здоровье, патологии и пр.), и каждая грань была признана важной;

– пришло робкое осознание необходимости психолого-педагогической консультации для родителей;

– политизированная атмосфера съезда, обусловленная политической атмосферой общества [8, с. 244], множество речей, наполненных общественно-политическим пафосом, были встречены слушателями с восторгом, горячностью, эмоциональными репликами участников. Как писал спустя двенадцать лет после съезда редактор журнала «Психология и дети» И. М. Соловьев, «совершалось гражданское самоопределение народа, столь ярко и властно проявлявшееся в голос первых его избранных в Государственной Думе» [6, с. 62];

– естественным был демократический характер съезда – на одной трибуне выступали «властители умов» (В. М. Бехтерев, А. П. Нечаев и др.) и совершенно неизвестные учителя из провинции (преподаватель коммерческого училища из Екатеринославля Н. Л. Бродский);

– психологическая литература обогатилась новым жанром – жанром отчета о прошедшем мероприятии, где автор, одновременно делясь хроникой событий, мог выразить свою позицию. Автором отчета мог быть любой участник – и директор провинциальной гимназии, и простой преподаватель.

Библиографический список

1. Артемьева, О. А. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия [Текст] / О. А. Артемьева. – М.: Институт психологии РАН, 2015. – 534 с.
2. Богданчиков, С. А. Забытый съезд (О Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) [Текст] / С. А. Богданчиков // Вопросы психологии. – 2002. – № 3. – С. 89-98.
3. Богданчиков, С. А. Открывая Г. И. Челпанова (Г. И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы) [Текст] / С. А. Богданчиков. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 428 с.
4. Богданчиков, С. А. Проблемы истории и историографии советской психологии [Текст]: монография / С. А. Богданчиков. – М.: АСОУ, 2018. – 348 с.
5. В. Р. Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии в С.-Петербурге (с 31-го мая по 5-е июня) 1906 года [Текст] / В. Р. – Казань, 1906. – 7 с.
6. И. С. Всероссийские съезды по педагогической психологии и экспериментальной педагогике (1906-1916 гг.) [Текст] / И. С. // Психология и дети. – 1917. – № 1. – С. 62-65.
7. Иванов, Н. Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии в г. С.-Петербург в 1906 г. Отчет о занятиях съезда [Текст] / Н. Иванов. – Рига, 1906. – 32 с.
8. Маслов, К. С. В свете незримого: жизнь и судьба А. А. Крогиуса [Текст] / К. С. Маслов. – Таллинн: Изд-во Таллиннского университета, 2014. – 560 с.
9. Мегорский, П. П. Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии [Текст] / П. П. Мегорский. – Петрозаводск, 1906. – 23 с.
10. Нечаев, А. П. К вопросу о реформе нашей школы [Текст] / А. П. Нечаев // Педагогический сборник. – 1906. – Июль. – С. 10-12.
11. О. И. Н. Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии (31 мая – 4 июня 1906) [Текст] / О. И. Н. // Педагогический сборник. – 1907. – Февраль. – С. 95-118.

12. Открытие съезда [Текст] // Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая – 4 июня). Отчет, составленный секретарем Съезда М. И. Коновым. – СПб., 1906. – 283 с. – С. 9-23.

13. Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии в г. С.-Петербург в 1906 г. [Текст] // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. – 1906. – № 3. – С. 66-90.

14. Предисловие [Текст] // Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая – 4 июня). Отчет, составленный секретарем Съезда М. И. Коновым. – СПб., 1906. – 283 с. – С. 3-8.

15. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории [Текст] / под ред. А. В. Брушлинского. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 567 с.

16. Романов, А. А. А. П. Нечаев: у истоков экспериментальной педагогики [Текст] / А. А. Романов. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 84 с.

17. Романов, А. А. Опыт-экспериментальная педагогика первой трети XX века [Текст] / А. А. Романов. – М.: Школа, 1997. – 304 с.

18. Росинский, В. Психология в России [Текст] / В. Росинский // Вестник знания. – 1908. – № 4. – С. 562-566.

19. Стоюхина, Н. Ю. Первые психологические съезды о психологическом знании для учащихся [Текст] / Н. Ю. Стоюхина // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: материалы Международной конференции по истории психологии «V Московские встречи». – М.: Институт психологии РАН, 2010. – 782 с. – С. 406-416.

20. Стоюхина, Н. Ю. Психологические съезды начала XX в. и первых лет советской власти о психологическом знании для средних школ [Текст] / Н. Ю. Стоюхина // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 1 (20). – С. 159-163.

21. Стоюхина, Н. Ю., Мазилев, В. А. Забытый съезд: Первый Всероссийский съезд по психоневрологии [Текст] / Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазилев // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 4. – Т. 2. – С. 251-260.

22. Стоюхина, Н. Ю., Мазилев, В. А. Неизвестные съезды: Второй психоневрологический [Текст] / Н. Ю. Стоюхина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1. – Т. 2. – С. 277-288.

23. Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая – 4 июня). Отчет, составленный секретарем Съезда М. И. Коновым [Текст]. – СПб., 1906. – 283 с.

24. Члены Съезда / Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая – 4 июня). Отчет, составленный секретарем Съезда М. И. Коновым [Текст]. – СПб., 1906. – 283 с. – С. 259-270.

25. Ясницкий, А. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-1930-х гг. [Текст] / А. Ясницкий // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 101-112.

Reference List

1. Artem'eva, O. A. Social'no-psihologicheskaja determinacija razvitija rossijskoj psihologii v pervoj polovine NN stoletija = Socio-psychological determination of the development of Russian psychology in the first half of the XX century [Текст] / O. A. Artem'eva. – М.: Institut psihologii RAN, 2015. – 534 s.

2. Bogdanchikov, S. A. Zabytyj s#ezd (O Pervom Vsesojuznom s#ezde po izucheniju povedenija cheloveka) Forgotten Congress (On the First All-Union Congress on the Study of Human Behavior) [Текст] / S. A. Bogdanchikov // Voprosy psihologii. – 2002. – № 3. – S. 89-98.

3. Bogdanchikov, S. A. Otkryvaja G. I. Chelpanova (G. I. Chelpanov i ego shkola v kontekste istorii rossijskoj psihologii: issledovanija i materialy) (G. I. Chelpanov and his school in the context of the history of Russian psychology: research and materials) [Текст] / S. A. Bogdanchikov. – М.: Direkt-Media, 2013. – 428 s.

4. Bogdanchikov, S. A. Problemy istorii i istoriografii sovetskoj psihologii = Problems of history and historiography of Soviet psychology [Текст]: monografija / S. A. Bogdanchikov. – М.: ASOU, 2018. – 348 s.

5. V. R. Pervyj Vserossijskij s#ezd po pedagogicheskoj psihologii v S.-Peterburge (s 31 go maja po 5 e ijunya) 1906 goda = First All-Russian Congress on Pedagogical Psychology in St. Petersburg (May 31 – June 5), 1906 [Текст] / V. R. – Kazan', 1906. – 7 s.

6. I. S. Vserossijskie s#ezdy po pedagogicheskoj psihologii i jeksperimental'noj pedagogike (1906-1916 gg.) All-Russian Congresses on Pedagogical Psychology and Experimental Pedagogy (1906-1916) [Текст] / I. S. // Psihologija i deti. – 1917. – № 1. – S. 62-65.

7. Ivanov, N. Pervyj Vserossijskij s#ezd po pedagogicheskoj psihologii v g. S.-Peterburg v 1906 g. Otchet o zanjatijah s#ezda = The First All-Russian Congress on Pedagogical Psychology in St. Petersburg in 1906 [Текст] / N. Ivanov. – Riga, 1906. – 32 s.

8. Maslov, K. S. V svete nezrimogo: zhizn' i sud'ba A. A. Krogiusa = In the light of invisible: life and fate of A. A. Krogius [Текст] / K. S. Maslov. – Tallinn: Izd-vo Tallinnskogo universiteta, 2014. – 560 s.

9. Megorskij, P. P. Pervyj Vserossijskij s#ezd po pedagogicheskoj psihologii = First All-Russian Congress on Pedagogical Psychology [Текст] / P. P. Megorskij. – Petrozavodsk, 1906. – 23 s.

10. Nechaev, A. P. K voprosu o reforme nashej shkoly = To the question of the reform of our school [Текст] / A. P. Nechaev // Pedagogicheskij sbornik. – 1906. – Ijul'. – S. 10-12.

11. O. I. N. Pervyj Vserossijskij s#ezd po pedagogicheskoj psihologii (31 maja – 4 ijunja 1906) First All-Russian Congress on Pedagogical Psychology (May 31 – June 4, 1906) [Tekst] / O. I. N. // Pedagogicheskij sbornik. – 1907. – Fevral'. – S. 95-118.
12. Otkrytie s#ezda = Opening of the Congress [Tekst] // Trudy Pervogo Vserossijskogo s#ezda po pedagogicheskoj psihologii v S. Peterburge v 1906 g. (31 maja – 4 ijunja). Otchet, sostavlennyj sekretarem S#ezda M. I. Konorovym. – SPb., 1906. – 283 s. – S. 9-23.
13. Pervyj Vserossijskij s#ezd po pedagogicheskoj psihologii v g. S.-Peterburg v 1906 g. = The First All-Russian Congress on Pedagogical Psychology in St. Petersburg in 1906 [Tekst] // Vestnik psihologii, kriminal'noj antropologii i gipnotizma. – 1906. – № 3. – S. 66-90.
14. Predislovie = Preface [Tekst] // Trudy Pervogo Vserossijskogo s#ezda po pedagogicheskoj psihologii v S. Peterburge v 1906 g. (31 maja – 4 ijunja). Otchet, sostavlennyj sekretarem S#ezda M. I. Konorovym. – SPb., 1906. – 283 s. – S. 3-8.
15. Psihologicheskaja nauka v Rossii HH stoletija: problemy teorii i istorii = Psychological science in Russia of the XX century: problems of theory and history [Tekst] / pod red. A. V. Brushlinskogo. – M. : Institut psihologii RAN, 1997. – 567 s.
16. Romanov, A. A. A. P. Nechaev: u istokov jeksperimental'noj pedagogiki = A. P. Nechaev: at the origin of experimental pedagogy [Tekst] / A. A. Romanov. – M. : Izd-vo ROU, 1996. – 84 s.
17. Romanov, A. A. Opytno-jeksperimental'naja pedagogika pervoj treti HH veka = Experimental pedagogy of the first third of the XX century [Tekst] / A. A. Romanov. – M. : Shkola, 1997. – 304 s.
18. Rosinskij, V. Psihologija v Rossii = Psychology in Russia [Tekst] / V. Rosinskij // Vestnik znaniya. – 1908. – № 4. – S. 562-566.
19. Stojuhina, N. Ju. Pervye psihologicheskie s#ezdy o psihologicheskom znanii dlja uchashhihsja = First psychological congresses on psychological knowledge for students [Tekst] / N. Ju. Stojuhina // Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoj mysli: Postigaja proshloe, ponimat' nastojashhee, predvidet' budushhee : materialy Mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii «V Moskovskie vstrechi». – M. : Institut psihologii RAN, 2010. – 782 s. – S. 406-416.
20. Stojuhina, N. Ju. Psihologicheskie s#ezdy nachala HH v. i pervyh let sovetskoj vlasti o psihologicheskom znanii dlja srednih shkol = Psychological congresses in the beginning of the XX century and the first years of Soviet power on psychological knowledge for secondary schools [Tekst] / N. Ju. Stojuhina // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2010. – № 1 (20). – S. 159-163.
21. Stojuhina, N. Ju., Mazilov, V. A. Zabytyj s#ezd: Pervyj Vserossijskij s#ezd po psihonevrologii = Forgotten Congress: The First All-Russian Congress on Psychoneurology [Tekst] / N. Ju. Stojuhina, V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – № 4. – T. 2. – S. 251-260.
22. Stojuhina, N. Ju., Mazilov, V. A. Neizvestnye s#ezdy: Vtoroj psihonevrologicheskij = Unknown congresses: The second psychoneurological [Tekst] / N. Ju. Stojuhina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 1. – T. 2. – S. 277-288.
23. Trudy Pervogo Vserossijskogo s#ezda po pedagogicheskoj psihologii v S. Peterburge v 1906 g. (31 maja – 4 ijunja). Otchet, sostavlennyj sekretarem S#ezda M. I. Konorovym = Works of the First All-Russian Congress on Pedagogical Psychology in St. Petersburg in 1906 (May 31 – June 4). Report compiled by the Secretary of the Congress M. I. Konorov [Tekst]. – SPb., 1906. – 283 s.
24. Chleny S#ezda / Trudy Pervogo Vserossijskogo s#ezda po pedagogicheskoj psihologii v S. Peterburge v 1906 g. (31 maja – 4 ijunja). Otchet, sostavlennyj sekretarem S#ezda M. I. Konorovym = Members of the Congress/Works of the First All-Russian Congress on Pedagogical Psychology in St. Petersburg in 1906 (May 31 – June 4). Report compiled by the Secretary of the Congress M. I. Konorov [Tekst]. – SPb., 1906. – 283 s. – S. 259-270.
25. Jasnitskij, A. Ob izoljacionizme sovetskoj psihologii: zarubezhnye konferencii 1920-1930 h gg. = On Soviet psychology isolationism: foreign conferences in 1920-1930-s [Tekst] / A. Jasnitskij // Voprosy psihologii. – 2010. – № 3. – S. 101-112.